

Путь к вербовке: стереотипы и конкретные методы

Джон Хорган

© AP Images/Hasan Sarbakhshian

Иранцы записываются добровольцами в ряды «смертников-мучеников» во время кампании по привлечению новобранцев в апреле 2006 года в Тегеране.

Джон Хорган, специалист в области политической психологии, старший научный сотрудник Центра по изучению терроризма и насилия как политического средства и лектор на факультете международных отношений университета Сент-Эндрюс в Шотландии. В своем последнем исследовании он анализирует процессы вовлечения людей в террористические группы и выхода из них. Его книга «Отказ от терроризма: выход из радикальных и экстремистских движений» (Walking Away from Terrorism: Accounts of Disengagement from Radical and Extremist Movements) будет опубликована в 2008 году.

Меньше чем через год после четырех скоординированных взрывов бомб террористами-смертниками в лондонском метро 7 июля 2005 года в отчете Палаты общин¹ о событиях этого дня был сделан следующий вывод: «То, что на сегодня

мы знаем об экстремистах в Великобритании, показывает, что не существует четких характеристик, по которым можно было бы определить лиц, склонных к радикализации. В данном случае из четырех человек трое были гражданами Великобритании во втором поколении, родители которых были выходцами из Пакистана, а родители еще одного приехали с Ямайки. Камел Бургасс, обвиненный по делу о «рициновом заговоре», был выходцем из Алжира, которому отказали в предоставлении политического убежища. Ричард Рейд, безуспешно пытавшийся пронести бомбу в подошве обуви, имел мать-англичанку и отца с Ямайки. ...У одних было хорошее образо-

вание, у других – оно было хуже. Одни действительно были бедны, другие не такие бедные. Одни достаточно хорошо интегрировались в британское общество, другие – нет. Большинство из них были одинокими людьми, однако у некоторых были семьи и дети. Одни раньше были законопослушными, а у других был список мелких преступлений».

Неявным выводом из этого примечательного отчета стала растерянность – не было общих признаков у людей, завербованных «Аль-Каидой» для участия в международной кампании терроризма и подрывной деятельности. То же чувство растерянности охватило и политические круги, и правоохранительные органы. Исследователи не могут составить адекватный типичный портрет террориста, но работа в этом направлении не прекращается.

Портрет террориста

Несмотря на то, что логически невозможно создать портрет террориста², поиски продолжаются с прежней силой. И это не удивительно. К этому подталкивают несколько обстоятельств.

Во-первых, драматические последствия террористической деятельности заставляют нас обратиться к поведению, которое для большинства нормальных людей является признаком ненормальности или какой-то болезни. Типичной реакцией на террористическую акцию, которая вообще всех просто ошарашивает, является вопрос «Как можно вообще такое делать?».

Второе обстоятельство, которое заставляет искать общие черты террористов, состоит в следующем. Очень много людей подвержены влиянию условий (коренных причин), способствующих вовлечению в террористическую деятельность, а также факторов и катализаторов религиозной и политической мобилизации, которые могут привести к участию в насильственных актах. Но почему так мало людей фактически в них участвуют?

Это – сложный вопрос, и любой ответ, который мы дадим, конечно, не будет удовлетворять всех. Ответ, который в значительной степени определил характер и направление некоторых, в частности психологических исследований, состоял в том, что некоторые особенности типичны как для конкретной группы террористов – что делает их «похожими друг на друга», так и в целом для террористов – что «отличает» их от остальных людей – или, по крайней мере, от тех, кто не участвует в террористической деятельности.

Психолог и эксперт по терроризму Ариэль Мерари верно отметил, что точнее было бы утверждать, что общие черты террористов пока не найдены, чем что их нет³. Однако я уверен, что существует несколько реальных факторов риска, связанных с продолжением поиска таких черт – особенно это касается понимания процесса привлечения людей к террористической деятельности.

Предполагая существование общих черт, мы можем упустить несколько важных особенностей формирования террориста. Помимо прочего, к ним относятся:

- непрерывный и постепенный характер процесса адаптации в террористической среде;
- определенные особенности, благоприятствующие такому вовлечению – так называемые «факторы притяжения» или «соблазны», которые приводят людей в террористические организации или которые сознательно используют в подготовке потенциальных новобранцев;
- определенная миграция между ролями – переход от отдельных пробных попыток выражения публичного протеста к сознательному целенап-

равленному незаконному поведению – другими словами, переход от одной роли к другой;

- понимание значения особенностей, присущих той или иной роли – скажем, что удерживает снайпера от того, чтобы стать бомбистом-смертником, и как об этих «особенностях ролей» становится известно тому, кто наблюдает их со стороны, или тому, кто может стать потенциальным новобранцем?

Когда мы предполагаем, что есть некоторые общие черты, то есть законченные, раз и навсегда данные характеристики террориста, мы закрываем глаза на факторы, участвующие в формировании террориста, и динамику этого процесса. И при этом вдобавок мы подрываем основу, на которой может быть разработана практическая стратегия борьбы с терроризмом, цель которой противодействовать вовлечению в террористическую деятельность или контролировать численность тех, кто уже в ней участвует.

Тем не менее, те, кто занимается борьбой с терроризмом, часто опираются на представление об общих чертах террористов. Когда я недавно рассказывал о портрете типичного террориста работникам одного контртеррористического подразделения, один из них возразил мне: «Выделять общие черты и составлять с их помощью типичный портрет бесполезно. Ведь в среднем бомбист-смертник вряд ли является мужчиной средних лет, белой расы и отцом трех детей». Это замечание было сделано в Великобритании, где оно было вполне понятно только по той причине, что мы *до сих пор* не видели таких бомбистов-смертников.

Главное здесь состоит в том, чтобы не впадать в преувеличения, утверждая «Все возможно», и не искажать угрозы, а признать, что допущения, используемые в наших размышлениях о террористах, все более основаны на прогнозах, аналогичных прогнозам страховых компаний, которые делаются на основе небольших и статистически нерепрезентативных выборок. Опасности чрезмерных обобщений должны быть очевидны.

Однако раскрытие этих ограничений так и не дает ответа на главный вопрос: почему один человек начинает участвовать в террористической деятельности, а другой – нет? Ясно, что удовлетворительно ответить на этот вопрос практически невозможно, но мы можем исходить из несколько полезных утверждений. В своей недавно вышедшей книге⁴ я определил ряд факторов предрасположенности к тому, что человек примет участие в террористической деятельности, которые перечислены ниже (без определенного порядка):

- личный опыт преследования, которое может быть реальным или воображаемым;

- ожидания, связанные с участием в террористической деятельности – эмоциональный подъем, осознание миссии, обретение цели, связанные с участием в «своей» группе и исполнением различных ролей в ней;
- идентификация с делом, которое является делом той или иной преследуемой группы людей;
- соответствующая социализация через друзей или семью или воспитание в определенной среде;
- возможность выражения своих интересов и этапы на пути к присоединению к группе, занимающейся террористической деятельностью;
- доступ к соответствующей группе.

Следует отметить, что по отдельности ни один из этих факторов не объясняет, почему люди становятся террористами, однако вместе они становятся мощным инструментом для понимания того, почему один человек может оказаться вовлеченным в террористическую деятельность, а другой – нет.

Пути терроризма

Если вы хотите вырваться за пределы бессмысленных дебатов об общих чертах террористов, нужно подумать о том, что предполагает участие в террористической деятельности. Сделав это, мы смогли бы перейти к разработке более эффективных инициатив в борьбе с терроризмом, которые, с моей точки зрения, действительно учитывали психологические соображения.

Главным из них является то, что в настоящее время реальный процесс вовлечения человека в террористическую деятельность отличается чрезвычайной *сложностью*. Все люди разные. И в разных случаях усилия дают разные результаты⁵. Вероятно, справедливо как для отдельной группы, так и для целого спектра террористических движений. Помимо упрощенного деления членов групп на руководителей и последователей, даже в самых небольших террористических движениях имеется множество функций и ролей, которые поручаются новобранцам и к исполнению которых они побуждаются для продвижения к более ответственным ролям. Это зависит от целого ряда факторов. Кроме того, принятие и сохранение этих ролей не является ни дискретным, ни статическим. Часто наблюдается изменение как внутри ролей, так и смена самих ролей. Например, возможны переходы от незаконных действий (участие в насильственной деятельности) к действиям, граничащим с законными (поддержка участия в насильственной деятельности), и совершенно законным действиям (мирный протест).

© AP Images/Shakeel Adil

Вовлечение в террористическую деятельность: воспитание в среде, в которой терроризм прославляется и ассоциируется с чем-то волнующим и одухотворенным, – один из акторов риска.

Многие виды деятельности членов террористических движений по своему содержанию не являются незаконными, и, строго говоря, по отношению к ним нельзя применять термин «терроризм» (хотя термин «подрывная деятельность» можно). Но без них проведение террористических актов было бы невозможно.

Непосредственное участие в насильственных акциях – это то, что мы обычно связываем с терроризмом. Однако сегодня реальность такова, что это только видимая часть ролей и функций террористической деятельности, и она представляет собой лишь верхушку айсберга. Поддержкой насильственных акций занимаются те, кто помогают и содействуют организации теракта, дают террористам убежище или предоставляют другую поддержку, собирают средства, сообщают о терактах в СМИ, занимаются разведкой и т.д.

Поэтому человек, которого мы считаем «террористом», выполняет в движении только одну из многих, хотя и самую важную функцию с точки зрения прямых последствий.

Исключительная сложность данных вопросов диктует необходимость разрабатывать более творческие подходы и более гибкие меры в борьбе с терроризмом. Если расширить спектр функций, связанных с террористическими движениями, мы увидим, что чем дальше мы от насилия, связанного с терроризмом, тем больше мы сталкиваемся с функциями, которые трудно отнести к терроризму или незаконным действиям. Другими словами, террористические движения – это нечто большее, чем «терроризм».

Перспективы борьбы с терроризмом

Способы перемещения людей между ролями и внутри них (переход с одной роли на другую и продвижение к исполнению более ответственных функций внутри организации) еще плохо изучены. В целом можно сказать, что вовлечение в террористическую деятельность – это процесс, включающий в себя отдельные этапы, которые конкретный террорист проходит, приспосабливаясь, осваиваясь и постепенно приобретая все более сложный опыт.

Имеет смысл говорить о непрерывном перемещении внутри различных ролей и функций и между ними, а в некоторых случаях – и о выходе из них. Несмотря на тот факт, что сроки всегда зависели от множества факторов, и некоторые люди осваивают задачи быстрее других, неизменной характеристикой террористических движений является именно постепенный характер процесса. Объяснять сознательное решение стать террористом, прибегая к прозрению, нельзя. Такое объяснение является наивным, обманчивым и, что самое главное, не подтверждается фактами.

Кроме того, процесс вовлечения человека в терроризм основан на некоторых его особенностях. Хотя терроризм всегда будет продуктом своего места и времени, и для членов даже одного движения мотивация всегда будет разной, наиболее очевидным общим знаменателем, который на любом уровне оказывает влияние на радикализацию сознания и поведения людей, остаются позитивные ожидания.

Мы не принимаем тот или иной стиль поведения, если он не приносит нам определенной пользы. То же самое касается и поведения террориста. У него могут быть ожидания в отношении достижения определенного статуса, власти, принятия со стороны группы, миссии и т.д. Если участник движения ощущает свою приверженность идеям, преданность делу и приобщение к движе-

нию как нечто позитивное для себя, то постепенно это способствует формированию его новой – или консолидации старой – личностной самоидентификации, то есть нового самосознания.

Для того чтобы понять суть «террористического сознания», вероятно, лучше всего рассматривать его как продукт следующих факторов:

- ускоренного процесса приобщения к террористическому движению и связанного с ним участия в незаконной деятельности;
- целенаправленного поведения, или, более общо, поведения, которое все сильнее связано со средой террористического движения.

С человеческой и социальной точки зрения, приобщение к терроризму и углубление связей с теми, кто в нем участвует, часто означает *отказ* от ненужных друзей, семьи и прежней жизни.

Одним из вероятных следствий выделения нескольких этапов в процессе вовлечения в террористическую деятельность является то, что в борьбе с терроризмом мы можем начать разрабатывать конкретные меры, соответствующие этим этапам и применять их в зависимости от того, что, по нашему мнению, будет наиболее эффективным. Мы сможем или противодействовать начальному вовлечению в террористическую деятельность, или препятствовать приобщению к террористическим движениям на последующих этапах, или постепенно облегчать выход из террористических организаций. Признание существования всех этих различий, возможно, позволит нам понять, что необходимы особые средства вмешательства, индивидуальный характер которых зависит от того, что, по нашему мнению, является оптимальной точкой приложения силы.

Несмотря на то, что этап выхода из террористического движения остается наименее изученным, я думаю, что именно на этом этапе практические инициативы по борьбе с терроризмом (нацеленные не только на облегчение процесса выхода, но и на предотвращение вступления) могут в действительности оказаться наиболее эффективными.

Значение действий отдельных людей

Хотя в конечном счете терроризм является групповой деятельностью, в группу всегда входят отдельные люди, и, как отмечалось выше, всем им индивидуально предназначается в ней своя роль. Верно, что программы борьбы с терроризмом обычно не направлены на отдельных людей, но именно понимание особенностей радикализации сознания и поведения отдельного человека, ее социальных и психологических аспектов позволит нам определить, какого рода динамику необходимо отслежи-

вать для разработки способов прекращения террористической деятельности⁶.

Хотя терроризм имеет серьезные и далеко идущие последствия, по сути своей, он остается деятельностью отдельных людей – часто незаметной, негромкой, состоящей из фрагментарных и нескоординированных действий. Масштабность и сила воздействия терроризма в целом не должны препятствовать нам в изучении этого явления на микроуровне как деятельности террористов, совершающих теракты. ■

Мнения, высказываемые в этой статье, не обязательно отражают взгляды или политику правительства США.

Примечания и сноски

1. *House of Commons Report of the Official Account of the Bombings in London on 7th July 2005* (London: The Stationery Office, 2006), p. 31.

2. Подробное объяснение см. в John Horgan, *The Psychology of Terrorism* (New York: Routledge, 2005).

3. Личная переписка.

4. John Horgan, *The Psychology of Terrorism* (New York: Routledge, 2005).

5. Данный выпуск и его выводы подробно обсуждаются в M. Taylor and J. Horgan, "A Conceptual Framework for Understanding the Development of Psychological Process in the Terrorist," *Terrorism and Political Violence*, vol. 18 (2006): pp. 1–17.

6. Работа над данным выпуском началась в Университете Сент-Эндрюс, он будет опубликован в 2008 году. См. John Horgan, *Walking Away From Terrorism: Accounts of Disengagement From Radical and Extremist Movements* (New York: Routledge, в печати).